
Наталья КАЗАКОВА

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ
ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

*Несколько слов о любви к палачу
в романе «Приглашение на казнь»*

Аннотация. Автор статьи, впервые детально анализируя образ палача в романе Набокова «Приглашение на казнь», отмечает, что за год до этого произведения была опубликована повесть Пера Лагерквиста «Палач» (1933) на шведском языке. Появление практически в то же время романа Набокова представляется неслучайным. Оставляя в стороне широко обсуждаемые литературные и библейские реминисценции в романе Набокова, автор статьи предлагает обратить внимание на эсхатологию времени (Европа 1930-х), которое задавало свой собственный дискурс и диктовало выбор нового героя, которым и стал палач.

Ключевые слова: В. Набоков, П. Лагерквист, «Приглашение на казнь», Цинциннат, м-сье Пьер, палач, смертная казнь, абсурд, свобода, пошлость, ложь.

Наталья Юрьевна КАЗАКОВА, кандидат филологических наук, адъюнкт-доцент кафедры славянских языков и литератур, Хантерский колледж, Нью-Йоркский городской университет. Сфера интересов — русская литература XIX—XX веков, творчество Ф. Достоевского и В. Розанова, история русской журналистики конца XIX — начала XX века. Автор ряда статей по указанной проблематике, а также книги «Философия игры: Василий Розанов — литературный критик газеты А. С. Суворина “Новое время”» (2001). Email: natkaz2002@yahoo.com.

В 1934 году Набоков, прервав работу над романом «Дар», стремительно (не более чем за две недели) пишет новое произведение — «Приглашение на казнь»¹. Так появляется одно из его самых загадочных творений. Роман, который запутывает читателя парадоксальностью образов, неожиданностью сюжетных поворотов, литературной реминисценцией с гражданской казнью Чернышевского и томит долгим ожиданием неминуемой (неминуемой ли?) развязки. Писатель словно нарочно уводит читателя от параллелей более страшных — с окружающей реальностью, от онтологического разочарования в которой Набокова не спасала даже его литературная игра.

В момент создания романа писатель жил в Германии, где уже бесповоротно шел процесс обезчеловечивания общества с диктатом единомыслия в вопросах морали. Реальность этого времени навязывала социуму определенные правила выживания, железной логикой которых было превращение человека в зверя. «Все обмануло, но и все сошлось — на этой точке, когда жестокость без всякого внешнего повода и без отброшенных за ненадобностью оправданий превращается в вязкую, обволакивающую стихию» [Зверев: 223]. И Набоков был одним из немногих, кто смог увидеть самое главное: даже не опасность тоталитаризма или военной диктатуры, а торжество обывателя, той массы мирных людей, с помощью которых были реализованы самые нелепые (лишь на первый взгляд) и жестокие идеи уничтожения инакомыслия, предложенные властью.

Главный герой романа Цинциннат осужден и ожидает казни в крепости. Причина его политической неблагонадежности — инаковость: он другой, ни на кого не похожий, непрозрачный в мире прозрачных, что и обрекает его на гибель. В обществе одиозного единомыслия и послушания он становится молчаливым, но раздражающим укором существующему порядку. Тихий бунт Цинцинната нарушает правила абсурдного мира, в котором он су-

¹ По мнению Б. Бойда, антитоталитаристский роман, где ключевой является тема смертной казни [Boyd 1990: 34].

ществует, — этого ада быта и бездушной предметности, который с восхищением принимается другими.

После приговора никто не говорит ему самого главного — когда будет казнь. Отсутствие именно этой конкретики мучает больше всего, все вокруг пронизано ожиданием его смерти. «...Я предчувствовал этот финал» — так начинается завершающий, самый драматичный акт его бытия. В однообразии жизни обывателей города, для которых казнь, равно как и зрелища похорон и свадеб, является почти единственным важным действием, все буквально одержимо этим событием. Правда, не хватает самого главного — палача. Его ожидание становится чуть ли не главной интригой романа.

Стоит заметить, что в 1923 году, почти за десять лет до «Приглашения на казнь», Набоков написал небольшую драму «Дедушка», где добрый и ласковый старик, ухаживающий за садом, оказывается палачом, который никогда не забывает о своих обязанностях и даже на пороге смерти пытается исполнить приговор, отсроченный временем. Палач является исполнителем высшей воли («Приказано», — умирая, шепчет дедушка). Тема смертной казни интересовала писателя и неоднократно появлялась в его творчестве². Многие исследователи творчества Набокова выдвигают эту тему на первый план при интерпретации романа. Но в обширном корпусе работ, посвященных «Приглашению на казнь», нет детального анализа другой темы — палача, хотя именно здесь она оказывается центральной по отношению к другим ведущим темам в романе. Ведь образ палача у Набокова подобен лакмусовой бумажке, ярко проявляющей не только пороки мира, в котором вынужден жить главный герой, но и черты характера и мотивы поступков самого Цинцинната.

В нелепом, нарочито театральном мире, в котором Цинциннат ожидает реальной казни, писатель усиливает абсурдность происходящего появлением нового героя. «На

² См., например: [Долинин 2013].

днях в одной из наших литерных камер поселится новый арестант. Познакомитесь, это вас развлечет», — объявляет директор арестанту. Но только в седьмой главе появляется милый толстяк с добрым прищуром «глазированных глаз» (набоковская метафора ледяных глаз). М-сье Пьер сразу же без лишней скромности рассказывает о своей деликатности и понимании проблем окружающих: «Кто утешит рыдающего младенца, кто подклеит его игрушку? М-сье Пьер. Кто заступится за вдовицу? М-сье Пьер. Кто снабдит трезвым советом, кто укажет лекарство, кто принесет отрадную весть? Кто? Кто? М-сье Пьер. Все — м-сье Пьер». Столь исключительная способность решать все насущные проблемы и стремление творить добро вызывают восторг у всех, кроме Цинцинната. Он, замыкаясь в себе еще больше, не идет ни на какой контакт. Скорее наоборот, именно после визита нового гостя Цинциннат доходит до самой твердой точки своего естества и провозглашает: «Я есмь!»

Но тихий бунт Цинцинната пока окрашен надеждой на освобождение, его жажда свободы неумолимо ведет борьбу с надвигающимся страхом смерти. Именно этот бунт и придает особую ценность его существованию в пустой и бездушной реальности. Смысл жизни на этом этапе заключен для него в Свободе, которая еще не отождествляется со смертью.

Сосед раздражает своей навязчивостью, и Цинциннат сначала совсем не понимает той игры, которую ведет с ним м-сье Пьер. Тот же, провоцируя Цинцинната, пускается в откровенности, объясняя, что оказался в тюрьме по обвинению в попытке помочь ему, и одновременно очень удивлен желанием последнего бежать: «Как так бежать? Куда? <...> Это в детских сказках бегут из темницы». Приговор уже вынесен и избежать его нельзя, да и куда можно убежать от этого мира, самого жестокого палача. Разве можно убежать отсюда, из места подлости, предательства, бессмысленности и сплошного обмана, в котором правда становится ложью, мораль исчезает за ненадобностью, а черное видится как белое и где все так радостно и спокойно. Здесь «другой» вызывает только недоумение или же злобу и ненависть обывателя, а палач видится образцом, утверждающим силу и обеспечиваю-

щим благоденствие. В отмеченные нигилизмом переходные эпохи, когда человечество пыталось изменить тип нравственного кода, всегда происходило тяготение к абсурду как к единственному бегству от ужаса реальности. И одновременно возникал бунт против абсурда. «Абсурд есть противоречие в самом себе» [Камю: 124].

Во всех своих произведениях Набоков ставит перед собой определенную творческую задачу — заглянуть в некоторую потусторонность [Alexandrov], которая рано или поздно открывается его героям. Так происходит и с Цинциннатом, который в начале романа пытается примириться с реальностью: «Внешний мир постоянно напоминает о своем присутствии, приводит все новые аргументы непреодоленности...» [Анастасьев: 264], но затем, поняв тщетность своих усилий, выходит на совершенно другой уровень постижения мира. Перед фактом неминуемой казни именно Цинциннату открывается тайна соприкосновения с другим миром. Так, Сергей Давыдов пишет, что всю биографию Цинцинната можно полностью рассматривать в определениях гнозиса [Давыдов]. Однако, на наш взгляд, этим интерпретация образа данного героя все же не исчерпывается.

Тихая непреклонность Цинцинната, его нежелание покаяться и принять тот мнимый мир, в котором он вынужден существовать, постепенно приводят его к отрицанию, и в этом заключена метафизическая победа героя над Злом. Он остается один на один с собой, в зеркалах (а их много в романе) у него постепенно исчезает ракурс неправды, и все становится собой. Абсурдная реальность не загоняет Цинцинната в тупик, а приводит его к медленному отрешению от жизни и пониманию глубоких философских смыслов трагизма бытия. Так «иной» сначала становится «другим» и в конце концов превращается в изгоя, а дальше следует эшафот как логичное и единственное спасение.

Цинциннат не сдается в борьбе за самого себя, и никто не может навязать ему свои правила. Никому не удастся манипулировать им ни в беседах, ни даже в игре. М-сье Пьер, специально смешивая фигуры в шахматах и путаясь во время игры в кости, все равно проигрывает Цинциннату. Ведь главная задача м-сье Пьера — сломить во-

лю Цинцинната, вызвать в нем страх и преклонение перед единственным властителем душ в романе (палачом).

И даже последний аргумент — туннель для спасения, который оказывается еще одной из бесконечных ловушек для Цинцинната, не приближает м-сье Пьера к заветной цели «дружбы» с заключенным. Герой Набокова непреклонен даже тогда, когда узнает истинную цель появления м-сье Пьера, своего палача. Отказываясь от помощи, он сам спускается в туннель, чтобы вернуться в свою камеру, а перед казнью не подает ему руки. Но, теряя надежду на жизнь и смиряясь с тем, что у него нет завтрашнего дня, Цинциннат обретает истинную Свободу в момент казни. В мире истин наизнанку, лжи, манипулирования и пошлости, изображенном в романе, Цинциннат — единственный, кто в экзистенциальном выборе предпочитает Смерть Жизни и становится настоящим абсурдным героем задолго до появления философской работы Камю.

Палач м-сье Пьер, воплощающий высшее проявление пошлости (одного из самых порицаемых Набоковым качеств), выбирает другое — вечную жизнь, пусть и в виде личинки. Он вечен, потому что он нужен, потому что восторг, который он вызывает у общества, объединяет и делает всех счастливыми в описанном автором социуме: «Публика бредит вами... Баловень женщин, всеобщий любимец...» Но пошлый палач (тонкий знаток всех земных удовольствий, начиная с блаженного отправления естественных потребностей и заканчивая всеми радостями вещного мира) больше всего ценит утехи духовно-эстетические, ибо «спасение» души (в данном случае Цинцинната) доставляет ему самое большое удовольствие.

Именно этим и объясняется его страстное желание «подружиться» с жертвой, заставить ее кротко принять все те ценности, которые с радостью принимаются обществом «прозрачных» в романе. А высшее проявление доверия жертвы — это в конечном итоге признание вины, чего палач, впрочем, так и не добился от Цинцинната. Но даже и это уже не нужно м-сье Пьеру, который с легкостью лжет на последнем вечере у чиновников города: «Мы полюбили друг друга, и строение души Цинцинната так же известно мне, как строение его шеи. Таким образом, не чу-

жой, страшный дядя, а ласковый друг поможет ему взойти на красные ступени, и без боязни предастся он мне, — навсегда, на всю смерть».

Манипуляция и ложь м-сье Пьера оказывают гипнотическое действие на окружающих, воспринимающих каждое его слово как последнюю истину. В сонном городе без времени и тайны бытия палач — олицетворение ирреального конца жизни — проигрывает только своей жертве экзистенциальную свободу выбора. «Сам», — говорит Цинциннат, отвергая помощь палача, восходя на эшафот и приглашая себя на свою казнь.

В одной из критических статей, посвященных роману, П. Бицилли высказал мысль, что Цинциннат и м-сье Пьер — два аспекта «человека вообще»:

«М-сье пьеровское» начало есть в каждом человеке, покуда он живет, т. е. покуда пребывает в том состоянии «дурной дремоты», смерти, которое мы считаем жизнью. Умереть для «Цинцинната» и значит вытравить из себя «М-сье Пьера», то безличное, «общечеловеческое начало» [Бицилли: 254].

В этом парадоксальном выводе заложено рациональное зерно: в дуалистической персонализации набоковского мира есть место рассмотрению природы человеческого Зла, но нет антроподицеи. В этой «экзистенциальной притче»³ о смерти, свободе и жертве, которая необходима для ее достижения, Набоков доверяет палачу роль исполнителя высшей воли, которую тот не в силах исполнить. Ибо один из главных вопросов романа, вопрос о том, свершилась казнь или нет, остается без определенного ответа. Несомненно, м-сье Пьер помогает Цинциннату приблизиться к постижению истинного смысла жизни больше, чем кто-либо другой. В антитезе «м-сье Пьер — Цинциннат» и кроется главная интрига сюжета: друг-помощник и освободитель-палач.

³ См.: [Семенова: 201]. Об экзистенциализме у Набокова также пишет Б. Аверин, отмечая некоторое влияние на писателя Л. Шестова в определенный период [Аверин].

За год до появления романа Набокова на шведском языке была опубликована повесть Пера Лагерквиста «Палач» (1933). Повесть, содержащая философские выводы и метафизические размышления, появилась в политическом контексте надвигающегося фашизма. Эсхатология времени задавала свой собственный дискурс, существование в котором требовало от автора не только литературных или библейских реминисценций. Главный герой — мрачный палач в красном одеянии — олицетворяет не только Зло, но и надежду окружающих на Справедливость и Спасение.

Структурно произведение состоит из двух частей (первая описывает встречу с палачом в Средние века, вторая — в современности). В мире зла, кровопролития и насилия палач вечен, и ему будет уготована особая роль — роль спасителя человечества: «...земля лежит в лихорадке, в жару, а из поднебесной выси слышатся скорбные вскрики птиц. Настал час злу выбросить семя. Настал час палача»⁴. Именно палач — истинный кумир тех, кто видит в зле целительную силу, а в насилии над личностью — порядок и залог будущего процветания. Страшна фигура палача у Лагерквиста, но еще более страшную картину представляют люди, его окружающие. И главное, что ничего не изменилось со времени Средних веков — то же ханжество, лицемерие и неизменный восторг перед кровопролитием.

Конечно, зловещий образ палача у шведского писателя имеет мало общего с кругленьким и пошленьким добряком м-сье Пьером у Набокова. Однако совпадение в выборе героя времени неслучайно.

Практически одновременно Набоков и Лагерквист почувствовали тенденцию своей эпохи, главным героем которой становится палач, приводящий массы в восхищение. Нарисованные часы, стрелки которых заботливо стирает смотритель тюрьмы, в реальности держит м-сье Пьер, кон-

⁴ Перевод со шведского Т. Величко.

тролируя время и щедро даруя Цинциннату перед казнью 2,5 минуты. Зрители этого театрального действия уже давно, даже и не заметив, стали соучастниками, они тоже палачи. Набоков сумел разглядеть эту жестокость уничтожения другого не только в спокойных обывателях, но прежде всего в мирном добродушии и простоте м-сье Пьера. Правда, у последнего были неплохие жизненные прототипы:

Как он (Набоков. — *Н. К.*) писал Э. Уилсону, очарованному ленинским биографическим мифом, именно «это наигранное добродушие, эти глаза с прищуриной, этот мальчишеский смех» Владимира Ильича и создают особенную невыносимую атмосферу, «ведро, наполненное млеком чело-веколюбия, но с дохлой крысой на дне» [Долинин 2004: 110].

Успех м-сье Пьера в обществе к тому же обусловлен его добросовестностью в собственном деле: «Я зарубок не делаю». А безграничную любовь он заслуживает своими личностными качествами, о которых с восторгом говорит директор тюрьмы: «Кроткий! — пророкотал Родриг Иванович... Честный!» Подобные характерологические определения добавляют образу весомой положительности в глазах городских обывателей.

Так Набоков, органически чуждый любому насилию над личностью, создает роман, главной темой которого как раз и является насилие и возможность его преодоления. Писатель показывает перекодировку ценностей, результатом которой стали трагические катастрофы XX века. Игры с реальностью и потусторонностью создают образ мира, в котором палаческое сознание доминирует в умах большинства, и только преодоление страха быть казненным приводит к обретению настоящей свободы.

Литература

Аверин Б. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.

Анастасьев Н. Набоков: Одинокий король. М.: Центрполиграф, 2002.

Бицлли П. В. Сирин. «Приглашение на казнь» // Владимир Набоков: Pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. В 2 тт. Т. 1. СПб.: РХГИ, 1997. С. 251–254.

Давыдов С. «Гносеологическая гнусность» Владимира Набокова: Метафизика и поэтика в романе «Приглашение на казнь» // Владимир Набоков: Pro et contra. Т. 1. С. 476–491.

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина (Работы о Набокове). СПб.: Академический проект, 2004.

Долинин А. Искусство палача: заметки к теме смертной казни у Набокова // Девятая международная летняя школа по русской литературе: Сб. ст. Цвелодубово: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2013. С. 29–44.

Зверев А. Набоков. М.: Молодая гвардия, 2001. (ЖЗЛ).

Камю А. Бунтующий человек / Перевод с франц. М.: Изд. политической литературы, 1990.

Семенова С. Два полюса русского экзистенциального сознания (проза Г. Иванова и Владимира Набокова-Сирина) // Новый мир. 1999. № 9. С. 183–205.

Alexandrov V. E. Nabokov's Otherworld. Princeton: Princeton U. P., 1991.

Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton U. P., 1990.

References

Alexandrov V. E. Nabokov's Otherworld. Princeton: Princeton U. P., 1991.

Anastasieev N. Nabokov: The Lonely King. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002. (In Russ.)

Averin B. The Gift of Mnemosyne: The Novels of Nabokov in the Context of the Russian Autobiographical Tradition. St. Petersburg: Amfora, 2003. (In Russ.)

Bitsilli P. V. Sirin. *Invitation to a Beheading [Priglasenie na kazn']* // Vladimir Nabokov: Pro et contra. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: RKhGI, 1997. P. 251–254. (In Russ.)

Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton U. P., 1990.

Camus A. The Rebel / Translated from French. Moscow: Izd. politicheskoy literatury, 1990. (In Russ.)

Davydov S. Vladimir Nabokov's 'Gnoseological Evil': Metaphysics and Poetics in the Novel *Invitation to a Beheading* // Vladimir Nabokov: Pro et contra. Vol. 1. P. 476–491. (In Russ.)

Dolinin A. The True Life of the Writer Sirin (Works on Nabokov). St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004. (In Russ.)

Dolinin A. The Art of the Executioner: Notes on the Death Penalty in Nabokov's Work // The 9th International Summer School on Russian Literature: Collected papers. Tselodubovo: Saint-Petersburg State University of Technologies and Design, 2013. P. 29–44. (In Russ.)

Semenova S. Two Opposite Sides of the Russian Existential Consciousness (G. Ivanov's and Vladimir Nabokov's Prose) // Noviy mir. 1999. Issue 9. P. 183–205. (In Russ.)

Zverev A. Nabokov. Moscow: Molodaya gvardiya, 2001. (*The Lives of Remarkable People Series*). (In Russ.)